

НЕ ДОВОЛЬНО ЛЬ ПРЕДАВАТЬСЯ ТОСКЕ, ПРЕКРАСНЫЕ ДАМЫ?

Закончились долгожданные обменные гастроли Большого театра в Санкт-Петербурге и Мариинского — в Москве. Вялые, замутненные взаимоотношения двух театров-титанов вдруг вздрогнули и начали новый отсчет времени в нашем искусстве. «Московская публика — главное, из-за чего мы здесь», — заявил на пресс-конференции Валерий Гергиев, директор и главный дирижер Мариинки, с 4 по 12 апреля ежевечерне выходявший на московские сцены (т. к. давались еще и симфонические концерты). — Я не видел на наших спектаклях несчастных лиц или убитых горем москвичей. И нельзя сказать, чтобы артисты Мариинки уходили со сцены под стук собственных копыт. Так что в целом нас принимали неплохо». Чему подтверждением — и наши корреспонденции с питерских спектаклей. А как принимали Большой на берегах Невы? Пожалуй, это нас, москвичей, волнует не меньше, чем собственные впечатления от Мариинки.

Встр. кучб. - 1998 - 16 апр. - с. 4.

ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ, СМЕРТОУБИЙСТВО И КОРОЛЬ ПУТИЛИН

У хороших гастролей — как у хороших пьесы — должен быть сюжет, главный герой и пара антагонистов, чтобы зрители смогли перевести дух и обдумать увиденное. Сюжет гастрольных выступлений оперы Мариинского театра был не столь безупречно выстроен, как у Мариинского же балета. Тогда последовательность событий была точно просчитана от кульминации к кульминации, теперь же всю первую половину недели в зале бывали свободные места.

Ажиотаж начался к предпоследнему спектаклю — потому что это был наиболее «раскрученный» в столице «Парсифаль».

Так что сюжет просчитан не был — и все же оказался довольно-таки увлекателен. После дивно-«Легучего голландца», продемонстрировавшего сегодняшние пристрастия художественного руководства театра, московской публике явилась «Хованщина» в постановке Леонида Баратова — адекватный «ответ Чемберлену» (то есть московскому «Ивану Сушанину», преследуемому за два дня до этого в Петербурге и прошедшему, говорят, с овацией восторженной патристической публики). Время постановки этого спектакля и время разворачивающихся в нем событий примерно совпадают: сто — двести лет тут не решают ничего. Пройдет еще триста

годов — и так же будут висеть на сцене эти лиловые тряпки, изображающие кремлевские стены и собор Василия Блаженного. Но будут ли тогда такие артисты, что пели в этот вечер? Марфа — Лариса Дядькова — своим властным, чистым, точным голосом могла бы увести за собой в горящий скит не только Андрея Хованского (Юрий Марусин), но и весь партер — стоило ей только захотеть, и именно на «Хованщине» стало ясно, что герой этой недели — Николай Пutilин, появившийся в роли Шакловитого.

В отличие от «Хованщины» «Катерина Измайлова» предстала перед столичными опероманами в современном платье — спектакль оформлял Георгий Цыпин. Создавая образ полностью закрытого мира — дома, распахнуть который может только смертоубийство, американский художник не считывал, конечно, на российскую технику. Ох, как же этот дом скрежетал при поворотах! Ему вторил Сергей Алексашкин (Борис Тимофеевич), и его спешно заменил Георгием Беззубенковым. Ларисе Шевченко, возможно, была бы более близка первая редакция знаменитой оперы, но в любом случае она выступила великолепно. Среди удач спектакля нельзя не отметить также Николая Охотникова в роли Старого каторжника.

И, наконец, долгожданный «Парсифаль». За день до него, в «антракте» — когда у Мариинки был свободный день — Валерию Гергиеву за «Парсифаля» была вручена оперная премия «Casta diva» 1997 года. Номинация — спектакль года. («Роль года» — Николаю Пutilину за Клингзора в этом же самом «Парсифале»). Журн. состоящее из профессиональных оперных критиков, было идеально точным в своем verdictе: спектакль очень хорош в целом, но Пutilин — его король. Неистовый Клингзор, обольстительная и смиренная Кундри (Лариса Гоголевская), Виктор Душок в роли Парсифаля — слушать его одно удовольствие, а вот смотреть... Он, кажется, слишком следует режиссерской идее (постановка Тони Палмера) и слишком старательно изображает простеца. Вель Парсифаль не должен быть смешон! Или должен? Но это на совести режиссера.

А Гергиев был разным в эти три вечера — нежным и жестким, слегка усталым и полным энергии, но всегда создающим потрясающую музыку. Впрочем, Валерий Абисалович как-то высказался, что ему лично уже никаких похвал и никаких наград не нужно. Ну и обойдемся без них.

Анна ГОРДЕЕВА.

Сцены из спектаклей Мариинского театра «Хованщина», «Осенний ангел», «Катерина Измайлова» и «Парсифаль».

ГОЛЫЕ МОНАШКИ НИКОГО НЕ СМУТИЛИ

Гастроли Мариинки завершились в воскресенье «Огненным ангелом» Прокофьева. «Да-а!» — без распространенных комментариев говорили по окончании спектакля зрители, вполне понимая друг друга. Хотя для одних это «да-а» — впервые увиденная опера Прокофьева (ее как-то привозил Пермский театр) с безумным сюжетом Брюсова. Для других — снова звездные Лариса Гоголевская (Рената), Николай Пutilин (Рупрехт) и Геннадий Беззубенков (Мефистофель). Для третьих — титаническая энергия Гергиева, которая не приводит в экстаз разве что законченного дуба. Для четвертых — сцена коллективного безумия в монастыре, где искушаемые бесами монашки образуют вместе с ними прямо-таки босховские сюжетелы, а две или три — так и просто бесятся голые (говорят, на эти роли наняты натурщицы). Но для большинства оказались немалыми все обстоятельства вместе.

Правда, нельзя сказать, чтобы режиссер Дэвид Фридман уж очень сильно напряг тут фантазию. За исключением вышеупомянутой сцены в монастыре постановка малоэффектна (художник Дэвид Роджер, артисты довольно статичны (т. е. она поет — он эскает минут стоит и слушает, не зная, куда себя деть)). Однако в

противовес можно тотчас сказать и противоположное: на сцене «рамочкой» все время что-то происходит. А именно: воплощением эротической энергии несчастной Ренаты являются белянские, голенькие яйдеголовые бесы, гады ползучие, беспрестанно что-нибудь делающие руками и ногами. Они елозят, группируются то так, то сяк, а когда Рената особенно взвизгивает, кто-нибудь из них даже встает на голову.

Лариса Гоголевская, на этот раз в роли Ренаты, — яркое открытие для Москвы (до этого мы и имени-то ее не слышали): такое красивое, выразительное, глубокое и очень надежное сопрано!

В итоге скажем так: чрезвычайно интересная и практически незвучащая а старинная музыка Прокофьева была доставлена в Москву со всем тщанием, на которое только способен сейчас бедный, но гордый эдакий российский музыкальный театр.

«Не довольно ль предаваться тоске, прекрасная лама?» — риторически взывает к Ренате благородный рыцарь Рупрехт. Точно так же мог бы обратиться и бесстрашный в своей одержимости Гершен к матушке Москве. Ведь она по поводу аналогичной честной. Но все же бедности, дост все-таки гораздо чаще и слышнее.

Наталья ЗИМЯНИНА.